

ДУХОВНЫЕ НАЧАЛА И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ТОТАЛИТАРНОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению положения религии и религиозных организаций в условиях тоталитарных европейских режимов середины XX века. Анализируются соотношения базовых христианских ценностей с идеологическими основами фашизма и нацизма. Рассматриваются как примеры компромиссов между тоталитарными государствами и христианскими конфессиями, так и противостояние церкви тоталитарным режимам.

Ключевые слова: тоталитаризм, фашизм, нацизм, религия, идеология, клерикализм, христианство.

SPIRITUAL BEGINNINGS AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF TOTALITARIAN SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the consideration of the position of religion and religious organizations in the conditions of totalitarian European regimes of the mid-twentieth century. The correlation of basic Christian values with the ideological foundations of fascism and nazism is analyzed. Both examples of compromises between totalitarian states and Christian denominations and the Church's opposition to totalitarian regimes are considered.

Keywords: totalitarianism, fascism, nazism, religion, ideology, clericalism, Christianity.

Среди признаков классических тоталитарных режимов религия обычно не называется. Это неверно лишь для случаев, когда речь идет именно о формах религиозного тоталитаризма, таких как диктатура Джироламо Савонаролы (1452–1498) во Флоренции или Жана Кальвина (1509–1564) в Женеве. Однако не все теоретики рассматривают указанные диктатуры в качестве примеров тоталитарных режимов. Следовательно, статусу религии и церкви в тоталитарных государствах, как правило, не уделяется большого внимания. Между тем исследование положения столь важных социальных институтов определенно представляет интерес и заслуживает разностороннего анализа.

В первую очередь следует рассмотреть, насколько в целом сочетаемы духовные начала и концептуальные основы тоталитарного общества. Нужна ли религия тоталитарному государству или, напротив, вредна? Как видно

на примере истории реальных тоталитарных государств, их политика по отношению к религии и церкви была очень неоднозначной: от попыток сотрудничества до подавления и борьбы. Подобный подход можно объяснить тем, что, по сути, религиозные институты представляют собой мощные социальные структуры, конкурирующие с государством.

Тоталитарным идеологиям присуще стремление поставить само государство на место религии и церкви, а правителю (дуче, фюреру) и вовсе отвести роль Бога в сердце народа. Любая классическая религия будет скорее помехой, чем подспорьем в решении подобной задачи. При этом рано или поздно неминуемо встанет вопрос, что с этой помехой делать.

Христианские богословы со времен первых апологетов до теологов XX века в большинстве своем указывали на то, что догматы веры и подчинение Божественному закону значимее требований земных властей. Следовательно, в случае коллизии между требованиями церкви и государства христианин должен делать выбор в пользу первой, поскольку спасение души превыше всех земных благ, включая сохранение жизни и свободы.

В целом достаточно лояльная к государственной власти христианская религия, изначально разделяющая Божье и кесарево, при этом закрепляла примат Божественных догматов и заповедей над интересами и требованиями светских властей. Ярче всего это проявилось в знаменитой средневековой (XII–XIII вв.) доктрине «двух мечей» (духовного и светского), однако, и до и после теологи обосновывали необходимость предпочтения божественного земному как для отдельного человека, так и для общества в целом.

При этом было бы преувеличением заявлять, что все тоталитарные режимы объявляли церкви непримиримую борьбу. Гораздо чаще тоталитарные идеологи и лидеры подходили к религии и церкви утилитарно, пытаясь использовать ее возможности себе на пользу.

Так, Бенито Муссолини предпочел сотрудничать с католической церковью и в 1929 году заключил с ее главой Латеранские соглашения. Адольф Гитлер, сначала горевший идеей заменить христианские конфессии в Германии религией собственного сочинения, представлявшей смесь язычества и его персональных верований, со временем отказался от этой идеи и предпочел пойти по пути Муссолини.

Так почему же тоталитарные лидеры все-таки выбрали путь сотрудничества, хотя вернее было бы назвать его путем запугивания и подчинения церкви, вместо откровенной борьбы и искоренения? Ответ на этот вопрос следует искать сразу в нескольких плоскостях.

Во-первых, тоталитаризму было что позаимствовать у религии и, особенно, у церкви. В первую очередь — умение пробуждать в сознании людей ощущение единства и стремление к этому единству, а также умелое использование символов и символизма. Тот же нацизм довел культ поклонения символам до абсолюта.

Во-вторых, религиозность, как правило, порождает или стимулирует в человеческой природе черты, которые тоталитарные режимы могли бы считать весьма полезными для внедрения собственных идей. Такие как вышеупомянутое стремление к единству, гордость от принадлежности к сообществу, покорность, смирение, страх, не рассуждающая вера. По сути, у религиозных организаций можно поучиться определенным методам манипуляции сознанием.

Но зачем создавать что-то уже существующее? Достаточно взять личность, в характере которой эти качества уже выработаны, и перенести их с религии на государство и его руководителей. Чем меньше человек склонен к анализу и сомнениям, чем выше в нем потребность ощущать себя частью какой-то особой группы, чем больше он готов покоряться чужим правилам и решениям, тем более удобен и полезен он для любого тоталитарного режима.

Возникает логичный вопрос: а как же, например, первые христиане, готовые расстаться с жизнью и перенести ради веры любые муки, лишь бы не покориться требованиям языческого государства? Уж их-то сложно назвать «удобными» подданными для светских властей. Однако, если даже сбросить со счетов царившую в начале нашей эры эсхатологическую убежденность, между методами и целями Римской империи и европейских тоталитарных режимов XX столетия есть существенная разница.

Римляне ставили христиан в такое положение, что им приходилось выбирать между преданностью своей вере и жизнью. Нацисты и фашисты пришли к выводу, что проще не посягать на саму веру и конфессиональную принадлежность, формально оставив гражданам позволение исповедовать свою религию; гораздо выгоднее перенести механизмы, задействованные в религиозности людей, на новый объект поклонения, формально не вступая в борьбу с прежним. А поскольку с древности известно, что «нельзя служить двум господам» одинаково ревностно, то логично было ожидать, что тоталитарное государство со временем займет место Бога и церкви в сердцах людей, если только одно не вступит в непримиримый конфликт с другим.

Надо сказать, что история оставила нам достаточное количество примеров и того, и другого. Множество «добрых католиков» в Италии и Германии, как и «добрых лютеран», научились примирять в своем сознании религиозные ценности и идеологию фашизма и нацизма. В будние дни они со всем рвением «зиговали» и травили евреев, а по воскресеньям с чистой совестью ходили на службу в церковь.

Даже понтификов римско-католической церкви — Пия XI и Пия XII обвиняли в пособничестве фашизму и нацизму. Однако более детальное и пристальное изучение их деятельности не позволяет прийти к столь однозначным выводам.

В христианской догматике можно найти положения, допускающие сотрудничество между церковью и властями. Например, в высказываниях

раннехристианских апологетов, в частности Блаженного Августина, неоднократно упоминается постулат, согласно которому истинному христианину надлежит проявлять равнодушие к форме и характеру светской власти, сосредотачивая всё свое рвение исключительно на вопросах спасения души. «Какая разница христианину, всегда близкому к смерти, под чьим правлением жить?» — вопрошал он. Ему же принадлежит цитата: «...слугам Христа... повелевается терпеть, коль скоро это необходимо, даже и самую развращенную и распущенную республику, и этим терпением приуготовлять себе светлейшее место в святейшем и священном сенате ангельском и в небесном царстве, где законом служит воля Божия» [1, с. 64].

Таким образом, тоталитарные власти могли найти в религиозных учениях как точку опоры, так и положения, несовместимые с идеей абсолютного господства государства. А среди масс верующих граждан можно было обнаружить как сторонников режима, так и его ярых противников.

Отсюда очень неоднозначное отношение тоталитарных режимов к религии, церкви и верующим. Как итальянский фашизм, так и германский нацизм формировались в рамках обществ, приверженных традиционным христианским ценностям. Их лидеры умело использовали то обстоятельство, что христианская церковь испытывала нападки со стороны политических движений левого толка и по большей части находилась с ними в состоянии активной конфронтации.

Именно антикоммунистические и антилиберальные настроения стали основой для сотрудничества христианской церкви с фашистскими режимами. Идеологи церкви вряд ли заблуждались насчет серьезных доктринальных разногласий между христианством и фашизмом, однако, они увидели в последнем силу, способную победить коммунизм. Церковь пошла на сотрудничество с идейным противником, видя в нем гаранта традиционного политического и социального порядка, в рамках которого ее существование представлялось более стабильным и значимым, чем при победе левых сил. В какой-то момент она увидела в фашистских властях потенциальных союзников. Тут действовал принцип «враг моего врага — мой друг». «Фашизм и церковь были скорее соперниками, чем врагами. Как говорил Пий XI, „если существует тоталитарный режим — тоталитарный и фактически, и по праву, — это режим церкви“» [2, с. 252].

Кроме того, как в Германии, так и в Италии остро стояла проблема патриотизма. Представители различных христианских конфессий этих стран зачастую видели в тоталитарных властях силу, способную сплотить народ, дать ему ощущение национальной гордости, побудить к ревностному служению Отечеству.

В 1926 году Ватикан сам инициировал начало переговоров с фашистскими властями Италии, а в 1929 году были заключены Латеранские соглашения, подписанные с одной стороны Б. Муссолини и с другой — кардиналом Пьетро Гаспарри, представлявшим Папу. В результате римско-католическая

церковь получила статус единственной государственной религии в Италии, тем самым усилив свое влияние и власть.

Церкви полагались значительные государственные дотации, — она также получила очень важное право контроля в области воспитания и семейной жизни. В школах вводилось преподавание основ католицизма, а в итальянской армии был введен институт военных священников. Партия «Итальянское католическое действие» обрела официальное государственное признание. «Фашистские вожди хорошо сознавали, что в Италии существует и истинная религия — поклонение сущностям вне нашей материальной реальности, чудотворное, вызывающее благоговение и трепет; и это не фашизм, а католицизм. Поэтому они старались сплести фашистские ритуалы с католическими обрядами» [2, с. 150].

В своей «Доктрине фашизма» Муссолини писал: «Фашистское государство не остается безразличным перед религиозным явлением вообще и перед положительной религией, в частности, каковой в Италии является католицизм. Государство не имеет своей теологии, но оно имеет мораль. В фашистском государстве религия рассматривается как одно из наиболее глубоких проявлений духа, поэтому она не только почитается, но и пользуется защитой и покровительством... Фашистское государство не создало своего „Бога“, как это сделал Робеспьер в момент крайнего бреда Конвента; оно не стремится тщетно, подобно большевизму, искоренить религию из народных душ. Фашизм чтит Бога аскетов, святых, героев, а также Бога, как его созерцает и к нему взывает наивное и примитивное сердце народа» [3, с. 6].

Несмотря на собственные, далекие от канонических, взгляды на религию, Гитлер признавал протестантизм и католицизм одинаково ценной опорой для немецкого народа. В пункте 24 программы НСДАП, принятой в 1920 году, было выражено отношение к религии: «Мы требуем свободы для всех религиозных вероисповеданий в государстве до тех пор, пока они не представляют угрозы для него и не выступают против нравственных и моральных чувств германской расы. Партия как таковая стоит на позициях позитивного христианства, но при этом не связана убеждениями с какой-либо определенной конфессией» [4, с. 25].

Католическое духовенство Испании также оказало поддержку лидерам фашистского мятежа. Это легко объясняется непримиримой враждебностью испанской католической церкви к режиму республики. «Свою лепту внесла и церковь, объявив разворачивающуюся борьбу не политической, а „моральной“ — борьбой между „созиданием и разрушением; между старой старинных обычаев, религиозных принципов, сохранения уклада — и анти-Испанией: страной разрушений, сожжения церквей и... революции“. Провозгласив „крестовый поход молитвы и возмездия“, церковь требовала молитв, жертв и мщения во имя победы над „теми, кто отступил от Христа

и поднял знамя разрушений и ненависти... над врагами, отступниками от веры и родины» [2, с. 481].

В своем фундаментальном исследовании фашизма Майкл Манн пишет: «Отношения нацистов с католической церковью были двойственными. Хотя многие из них были яркими антиклерикалами, нацистские лидеры понимали, что явный антиклерикализм означает политическое самоубийство, и были готовы идти на компромиссы с церковью. Католические клирики отвечали фашистам столь же двусмысленной позицией. Некоторые священники впоследствии были арестованы и даже казнены как противники нацистского режима. Но церковные иерархи, начав с поддержки австрофашизма, в дальнейшем стали коллаборантами нацистов. В выборе между нацизмом и демократическим социализмом высокопоставленные церковники предпочли нацизм. Они быстро вступили с режимом в переговоры, а затем и даровали ему полную поддержку, кроме случаев, когда он покушался на институциональные интересы церкви» [2, с. 317].

Однако христианские конфессии устраивали тоталитарные государства в качестве союзников лишь в модифицированном виде, подстроенном под нужды фашистских идеологий. Гуманность, милосердие, прощение и любовь к ближнему, лежащие в основе новозаветной христианской морали, категорически диссонировали с фашизмом и его культом сверхчеловека и господства арийской расы. Идеологи фашизма хотели видеть христианство национальной и расовой религией.

Опять же, конфессиональные различия и особенности христианских церквей могли в большей или меньшей мере способствовать сотрудничеству с тоталитарными режимами. Так, в Германии римско-католическая церковь поначалу противостояла фашизму, потому что сама всемирная, космополитическая природа католической церкви не совместима с национализмом. Изначально среди нацистов преобладали приверженцы протестантских течений. «Из всех избирателей, зарегистрированных на июль 1932 года (включая и тех, кто не голосовал), нацистов поддержали около 38% протестантов и лишь 16% католиков — разница значительная. Чем выше был процент протестантов в регионе, тем больше там голосовали за нацистов» [2, с. 274].

Известно, что Гитлер, несмотря на формальную готовность сотрудничать с представителями протестантской и католической церквей, относился к христианству без малейшего уважения. Не отдавая предпочтения ни одной из ветвей он говорил: «Каждая из существующих конфессий похожа на другую как две капли воды. За ними нет будущего. Его нет именно для германцев. Вы либо немцы, либо христиане...» [5, с. 128–129]. Он даже считал некоторые другие религии предпочтительнее для воплощения идей и целей нацизма. «В том-то и беда, что мы исповедуем не ту религию. Почему бы нам не перенять религию японцев, которые считают высшим благом жертву

во славу отечества? Да и магометанская подошла бы нам куда больше, чем христианство, с его тряпичной терпимостью» [6, с. 150].

Поскольку сотрудничество с христианскими конфессиями являлось для нацистских лидеров вынужденной мерой, то они ставили перед собой задачу максимально реформировать само христианское учение, придавая ему «нордическую», «тевтонскую», «арийскую» форму, дабы иметь возможность строить на основе такой реформированной религии новый порядок. То есть, по сути, создавая на фундаменте традиционной христианской доктрины новую — ариохристианство.

Для достижения этих целей была выдвинута идея, что первоначальное христианское учение подверглось сильным искажениям и нуждается в серьезном очищении. Библейские тексты трактовались по-новому, со стороны нацистских «теологов» раздавались призывы полностью отказаться от Ветхого Завета с его «еврейской торгашеской моралью». Для претворения этих идей в жизнь предпринимались вполне конкретные шаги.

В 1932 году берлинский пастор Иоахим Хоссенфельдер основал профашистское национально-ориентированное лютеранское движение «Немецкие христиане». Его доктринальную основу составляли постулаты об арийском происхождении Христа, божественной миссии немецкого народа и мессианской роли фюрера. Движение приобрело массовость в Германии, оно насчитывало более 600 тысяч приверженцев, что составляло около 30 процентов всех немецких лютеран.

«Немецкие христиане» представляли позиции НСДАП в церкви, именуя себя «штурмовыми отрядами Христа». Рейнхард Краузе — глава «Немецких христиан» Большого Берлина, настаивал на необходимости создания под лозунгом «Один народ, один Бог, один вождь, одна церковь» «новой, сильной, всеохватывающей, немецкой народной церкви» [7].

Пример создания и популярности движения «Немецкие христиане» вдохновил государственных лидеров, и в 1933 году с целью усиления пропаганды ариохристианских идей указом рейхстага была учреждена «Немецкая евангелическая церковь», объединяющая три десятка действовавших на территории Германии церквей. В 1936 году епископ Бремена Хайнц Вайдман опубликовал собственный перевод Евангелия от Иоанна, где были уничтожены любые упоминания о еврейском происхождении Христа.

Розенберг составил программу «Национальной церкви рейха», содержащую основные принципы и направления реформирования христианской догматики для приведения ее в соответствие с идеологией нацизма. Вот некоторые положения этой программы:

«13. Национальная церковь настаивает на немедленном прекращении издания и распространения Библии в Германии...

14. Национальная церковь заявляет, что для нее и тем самым для немецкого народа важнейшим документом будет «Моя борьба» нашего фюрера...

Эта книга... не только содержит, но и воплощает чистейшую и подлиннейшую этику нынешней и будущей жизни нашего народа.

18. Национальная церковь устраняет со своих алтарей все распятия, Библии и изображения святых.

19. На алтарях не должно возлежать ничего кроме «Моей борьбы», наиболее священной книги для немецкого народа и тем самым для Бога, а слева от алтаря — меч.

30. Со дня ее основания христианский крест должен быть удален из всех церквей, соборов и часовен... и заменен единым непобедимым символом — свастикой» [8].

Здесь стоит отметить, что тоталитарные режимы брали на вооружение и активно использовали склонность людей к поклонению определенной символике, довольно ярко выраженную в христианских культах. Запечатленное в человеческой природе пристрастие к символам использовалось для сплочения приверженцев новых идеологий, — чтобы дать им какие-то дополнительные внешние ориентиры. «Не стоит, конечно, называть фашизм религией: в фашизме нет концепции божества, возрождение и прогресс в нем — дело рук человеческих. Однако он тесно взаимодействовал с институциональными религиями и заимствовал кое-что из их практик» [2, с. 132].

Так традиционная христианская символика просто заменялась новой — фашистской, что находило отражение даже в нормативных актах и соглашениях между тоталитарными режимами и церковью: «Фашизм возникал в странах, где церковь привыкла играть значительную политическую роль, но сейчас эта роль слабела; эту ситуацию и использовали фашисты, перенося понятие „священного“ с Бога на нацию-государство» [2, с. 132].

Эта черта максимально ярко проявлялась в румынском клерикальном фашизме. «Поверх зеленой униформы легионеры нашивали белые кресты, а некоторые — свастики... Все фашисты использовали в своей деятельности религиозные мотивы, но лишь румынский Легион в самом деле напоминал церковь» [2, с. 389]. Члены румынских нацистских отрядов преклоняли колени возле церквей, молились и пели. Таким образом в сознании населения религиозные культы тесно переплетались с фашистскими.

В отношении католицизма нацистская Германия предпочла итальянскую модель сотрудничества. Ф. фон Папен писал: «Муссолини доказал, что фашистский режим может существовать в совершенной гармонии с церковью» [9, с. 277]. Германия заключила конкордат с Ватиканом в 1933 году, а отдельные земли в ее составе, в том числе исторически католическая Бавария, еще раньше подписали с Ватиканом собственные конкордаты.

Согласно подписанному между Германией и Ватиканом соглашению католическая церковь получала свободу в сфере религиозного образования, независимость для католических организаций и молодежных групп, католическим священникам разрешалось служить в армии. Каждая дивизия вермахта по штату имела двух капелланов — католического и лютеранского.

* * *

Несмотря на вынужденные компромиссы, на которые церковь шла с властями тоталитарных государств, даже сотрудничество с ней, как с организацией, не могло дать тоталитарным властям никаких гарантий того, что отдельные христиане не будут выступать против режима, ценности которого во многом противоречат христианским ценностям.

В рядах христианских священнослужителей было достаточно тех, кто оказывал сопротивление фашизму в различных формах. Так, к примеру, молодой священник Дитрих Бонхеффер еще в 1933 году выступал против нацистской политики антисемитизма, несовместимой с нравственными ценностями христианства и призывал верующих оказывать сопротивление государству с его бесчеловечными законами против евреев. Он был казнен нацистами, а его имя стало символом мученичества.

В 1934 году была создана Исповедующая церковь Старопруссского союза, оппозиционная нацистскому режиму. Ее священники выпускали листовки против нацизма, многие из них были привлечены к ответственности за измену Родине. Однако они исходили из базового постулата христианства о том, что Бога стоит бояться и почитать более, чем людей, в том числе облеченных властью. Кроме того, помня историю становления христианства, они были убеждены, что чем большим гонениям подвергается церковь, тем сильнее она становится.

Надо заметить, что не для всех необходимость борьбы с тоталитарными режимами была очевидна изначально. Как правило, представители церкви осознавали необходимость противодействия не сразу, а со временем, когда все явственнее становилась несовместимость идейной основы и методов фашизма с базовыми христианскими ценностями.

Так, например, Папа Пий XI, изначально пошедший на сотрудничество с тоталитарными государствами, в конце своего понтификата издал энциклику «*Mit brennender Sorge*» («С огромной обеспокоенностью»), направленную против фашизма. В ней он писал, что «только поверхностные умы могут пасть жертвами ложного учения, говорить о национальном Боге, национальной религии» [10, с. 142]. Он обвинял нацистское правительство Германии в нарушении Конкордата 1933 года. В тексте энциклики осуждаются тяготеющие к язычеству корни нацистской идеологии, мифы о превосходстве арийской расы и крови, доказываются ошибочность и искажение нацистами представлений о Боге.

Эта энциклика стала единственной, когда-либо написанной на немецком языке, ее копии были тайно доставлены в Германию для прочтения священниками с храмовых кафедр. Папский документ был призван предостеречь католиков, убедить их, что завоевывающая все большую популярность нацистская расовая идеология несовместима с догматами католицизма.

Эудженио Пачелли, будущий Папа Пий XII, добавил к проекту энциклики следующий абзац: «Если кто-то выделяет расу, этнос, государство или его специфическую форму либо иную фундаментальную ценность человеческого общества — сколь бы необходимыми и уважаемыми ни были их функции — над уровнем их обычной ценности и делает их объектом поклонения, то он искажает и извращает мир, замысленный и сотворенный Богом».

После событий 9–10 ноября 1938 года, вошедших в историю под названием «Хрустальной ночи», Пий XI присоединил свой голос к западным лидерам, осудившим еврейские погромы. В ответ нацисты устроили массовые демонстрации против католиков и евреев в Мюнхене, а гауляйтер Верхней Баварии Адольф Вагнер выступил на митинге с речью, в которой заявил, что высказывания Папы — это подстрекательство евреев по всему миру и агитация против Германии.

Даже смерть Пия XI несколько месяцев спустя часть исследователей считает убийством, к которому приложили руку фашисты и нацисты. В основание этой версии кладется факт о близости лечащего врача Папы к Б. Муссолини.

* * *

Стоит отметить, что часть духовенства, тайно противодействующая фашистским режимам, зачастую действовала, исходя не из политических взглядов и мотивов, а из христианских заповедей милосердия и человеколюбия. «К тому же отнюдь не политическая позиция церкви, а традиционная христианская добродетель сострадания к слабому и гонимому заставила священников укрывать в кафедральном соборе святых Кирилла и Мефодия часть бойцов Сопротивления, убивших Р. Гейдриха, и понести за это тяжелую ответственность, а после войны помогать уже нацистским преступникам бежать в Латинскую Америку, Африку, Ближний Восток и также нести за это ответственность» [11].

В Германии был создан Крайзауский подпольный кружок, возглавляемый фон Мольтке. В его состав входили Реш, Дельп, Кениг, Герстенмайер, Шенфельд, Пельхау, Штельтцер. По обвинению в предательстве Родины в начале 1945 года Дельп и фон Мольтке были приговорены к повешению.

Таким образом, можно увидеть, насколько сложными и неоднозначными были отношения, складывавшиеся между тоталитарными режимами и церковью. Компромиссы, попытки модификации, сотрудничество, тайное противостояние, открытая борьба, местами даже взаимопроникновение, казалось бы, непримиримых идеологий — через все это прошли светские и религиозные власти во время господства тоталитарных режимов.

Несмотря на то что в наше время несовместимость идеологических основ фашизма и христианства кажется совершенно очевидной, нельзя отрицать тот непростой и противоречивый исторический опыт, через который прошли различные христианские конфессии европейских стран в середине XX века.

Список литературы

1. Аврелий Августин. О граде Божием. Кн.1–4, Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru>.
2. Манн М. Фашисты. Социология фашистских движений. М.: Изд-во «Пятый Рим»; Фонд «Историческая память», 2019.
3. Муссолини Б. Доктрина фашизма. Paris, Возрождение, 1938.
4. Федер Г. Программа и мировоззрение НСДАП. Витебск, 2007.
5. Розенберг А. Мемуары. Харьков, 2005.
6. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997.
7. Бровко Л.Н. Протестантизм и национал-социализм /Берегиня. 777. Сова. 2014. № 4(23).
8. Горшков Ю.Э. Фашизм и протестантская церковь в Германии / Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2014. № 5.
9. Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. М., 2005.
10. Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. СПб: Алетейя, 2009.
11. Горшков Ю.Э. Фашизм и официальная позиция церкви // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2014. № 4.